

К вопросу о характере Печорина

Анализируя образ Печорина, героя романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», невозможно обойти вниманием его индивидуалистическую систему ценностей. Не будет большим преувеличением сказать, что спор между консерваторами С. О. Бурачком и С. П. Шевыревым, с одной стороны, и В. Г. Белинским, с другой, сводится к тому, положительно или отрицательно критики относятся к индивидуализму героя, рассматривая его в свете положений современной им этики. Как мы можем убедиться по вводной статье в антологии Лермонтова «Pro et contra», подобное противостояние критиков продолжалось до начала XX в. [см.: 4, с. 8–10]. Позднее И. И. Виноградов увидел причину бесплодности усилий персонажа в том, что последний действует только в системе индивидуализма, не поднимаясь до позиций гуманизма [см.: 1]. И. А. Гурвич, касаясь эгоизма Печорина, говорит о том, что его действия обусловлены не столько ограничениями общества, сколько личной инициативой героя в его попытках манипулировать окружающими [2, с. 793].

Индивидуализм Печорина не перестает привлекать внимание и современных лермонтоведов. В. Гольштейн в своей работе [5] дает высокую оценку героическим качествам характера персонажа и резко отрицает критику его эгоистических черт. Для обоснования своей позиции автор обращается к понятию «марлинизм». Исследователь определяет его как «отказ действовать свободно и ответственно, привычку прятаться за модными масками, девизами или иллюзиями» [5, с. 153]. Лермонтов же, по мнению Гольштейна, высмеивает эту современную ему тенденцию, создает образ Печорина как антагониста всему «притворному», воплощением которого является Грушницкий. С точки зрения Гольштейна, Печорин — не фаталист, а человек, ответственный за свои действия и в то же время носитель индивидуалистического мировоззрения.

Мы полагаем, что более детальный анализ таких категорий, как «воля», «чувство ответственности» и «свобода», позволит прояснить индивидуалистическую позицию Печорина, а значит — лучше понять этого сложного, противоречивого героя.

1. «Воля» Печорина

а) Полное владение своим поведением

Печорин, несомненно, обладает очень сильной волей. Читатель, прежде всего, может убедиться в этом на примере того, как последовательно герой подчиняет все свое поведение исключительно своим желаниям и решениям. Он полностью владеет всеми своими действиями и поступками. Об этом свидетельствует

и упоминание присутствия в нем *двух людей*. Следующий к месту дуэли с Грушницким Печорин так говорит об этом своему секунданту Вернеру:

Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю и разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его [3, с. 324]¹.

«Человек, живущий в полном смысле этого слова», о котором говорит Печорин, — это он сам. А упоминание о втором человеке, который «мыслит и судит», свидетельствует о том, что герой постоянно объективно и критически оценивает свое поведение. Он не только отстраненно осмысливает свои поступки, но и полностью подчиняет их собственной воле. Можно допустить, что подобная позиция выходит за рамки общепринятой нормы.

б) Верная оценка поведения окружающих

Разумеется, сильная воля Печорина не довольствуется контролем исключительно и только над самим собой. Его поведение, обусловленное собственными желаниями и мотивами, направлено на окружающих. Герой делает все возможное, чтобы его поведение оказывало задуманное влияние на третьих лиц. Размышляя о ненасытности своей воли и ее воздействии на окружающих, он признается:

Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути... А первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает [с. 294].

При взаимодействии с окружающими Печорину важно не только полностью владеть своим поведением — о чем мы писали выше, — но и контролировать поступки других людей. Этот персонаж, можно сказать, своими руками организовал «враждебную шайку во главе с Грушницким». И, размышляя о них, приходит к следующему выводу о своем отношении к врагам:

Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов — вот что я называю жизнью! [с. 304].

Разумеется, в первую очередь в данной цитате читается желание бурной, полнокровной жизни. Однако нельзя упускать из виду тот факт, что для осуществления этого желания необходимо постоянно быть настороже, следить за каждым взглядом и словом посторонних, проникать в их замыслы. И хотя контекст этой фразы предполагает Грушницкого, только им и его «группкой» настороженность Печорина не ограничивается. Герой пытается полностью контролировать поведение всех третьих лиц, которые его окружают.

---

¹ Далее текст романа цитируется по данному изданию с указанием страницы в скобках.

в) *Воплощение «сценария» в реальные события*

В «Княжне Мери» проявляется то, что мы бы назвали «сценаристскими» наклонностями героя. Впервые на них указывает предсказание дуэли с Грушницким в начале «Журнала» [с. 263]. Это предчувствие подтолкнуло Печорина к созданию следующего «сценария»: 1) разжечь в Грушницком любовь к Мери; 2) поддерживать в Мери привязанность к Грушницкому, основанную на ошибочной оценке ситуации; 3) привлечь внимание Мери к себе почти оскорбительным безразличием; 4) показать себя с выгодной стороны, выручив Мери на балу; 5) вызвать в Мери разочарование Грушницким, сообщив, что тот не был разжалован за дуэль, а является всего лишь юнкером; 6) вызвать у Мери презрение к Грушницкому, показав пустую напыщенность его слов; 7) вызвать ненависть Грушницкого к себе, тайно пригласив Мери на мазурку. В итоге все завершилось предсказанной дуэлью.

Эта сложная конструкция свидетельствует об одном важном качестве главного героя — железной воле. Он сознательно поставил себе определенную цель, исходя из имеющихся место отношений между людьми, и добился ее. «Имеющие место отношения между людьми» — это изначальные заданные обстоятельства, в которых герой ставит себе цели. Их нельзя достичь без значительных умственных усилий и непоколебимой воли. Кроме того, Печорин испытывает потребность «все подчинять своей воле». Его способность ставить перед собой цель и энергично добиваться ее достижения проявляется в романе неоднократно. В отношении Мери герой вначале «дал себе слово в этот вечер непременно поцеловать ее руку» [с. 303] и сделал это после бала; потом, возмущив покой девушки поцелуем в щеку, довел ее молчанием почти до иступления: «видно было, что ее беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни слова, из любопытства» [с. 310].

Осознав это основополагающее качество Печорина, можно понять две особенности, характеризующие его отношения с окружающими. Обе они проявляются в вышеописанной ситуации с созданием и воплощением в жизнь «сценария». Во-первых, герой бесцеремонно вмешивается в отношения других людей, приводя в смятение их чувства и разрушая эти отношения. Он вклинился между ненужными ему Мери и Грушницким, принося несчастье обоим. Подобное вмешательство переплетается с «целеположением, исходя из имеющихся место отношений между людьми».

Во-вторых, Печорин пытается проникнуть в психологию окружающих и преуспевает в этом. Он каждый раз подчеркивает, что смог понять сокровенные мысли и желания третьих лиц по их внешнему виду, выражению лица, манерам. Так, например, герой с самого начала разгадал и изложил в «Журнале» причину, по которой Грушницкий носил грубую солдатскую шинель:

Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился [с. 263].

Как и предполагал Печорин, именно солдатская шинель Грушницкого стала поводом, который возбудил в Мери романтические чувства. Именно этот элемент одежды натолкнул девушку на ошибочное заключение, что Грушницкий был разжалован за дуэль. Создается впечатление, что весь «сценарий» был задуман для того, чтобы развенчать притворный романтизм юнкера и показать, что Мери позволила обмануть себя своим же романтическим чувствам, вызванным этой шинелью. Другими словами, Печорин выстроил предположения о психологических особенностях других людей и, используя свой «сценарий», проверил правильность этих предположений. То, что окружающие вели себя так, как он предполагал, и подтвердило его правоту.

г) *Способность предугадывать поступки третьих лиц и развитие событий*

Способность главного героя романа читать душевное состояние окружающих по выражению их лиц особенно ярко проявляется в ситуации со «сценическим». Например, когда Мери рассеянно слушала сентиментальные речи Грушницкого, пытаясь при этом показать Печорину, что всецело поглощена беседой, последний отмечает: «Но я вас отгадал, милая княжна... Вы хотите мне отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбие, — вам не удастся!..» [с. 291].

С той же легкостью он угадывает психологическое состояние княжны после рассказа о своем прошлом: «...ей было жаль меня! Сострадание, чувство, которому покоряются так легко все женщины, выпустило свои когти в ее неопытное сердце» [с. 297].

Как видно из приведенных цитат, Печорин всякий раз подчеркивает, что догадывается о сокровенных мыслях других людей по выражению их лиц. Далее он ведет себя таким образом, что заставляет их выдавать свои намерения. Для героя это словно психологическая игра, в которой он выходит победителем.

Печорин доказывает свою проницательность не только правильной интерпретацией выражения лица. Очень часто он практически при первой встрече точно предсказывает, как сложатся его отношения с другими персонажами. Мы уже упоминали запись в «Журнале» о Грушницком: «...я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать» [с. 263]. И действительно, в кульминации повести главный герой убивает Грушницкого на дуэли.

Окончательное расставание с Верой Печорин предсказал при первой же их встрече на водах:

Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, навеки: оба пойдем разными путями до гроба; но воспоминание об ней останется неприкосновенным в душе моей... [с. 280].

И оказался прав. В конце повести Вера уезжает навсегда.

Не все предсказания Печорина столь трагичны. Когда Мери повела себя с ним сухо, оказывая нарочитые знаки внимания Грушницкому, герой мысленно обращается к ним со следующими словами:

Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вам недолго торжествовать!.. Как быть? у меня есть предчувствие... Знакомаясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет ли она меня любить или нет... [с. 292].

Не ошибся он и тут. Позже Мери полюбит главного героя.

Мы видим, что Печорин обладает способностью предугадывать события. Еще одной его особенностью является упорное желание доказать самому себе, что каждое его предсказание правильно. Эта черта характера тесно связана с уже упомянутым нами «достижением целей, установленных, исходя из имеющих место отношений между людьми». В данном случае цель — проверить правильность своего предсказания.

Итак, в приведенных выше цитатах наиболее ярко проявляются следующие качества Печорина: он сознательно контролирует собственное поведение и успешно управляет поведением окружающих; высказав предположение о психологическом состоянии других людей или о развитии ситуации, сам же проверяет правильность этих предположений. Ниже мы рассмотрим, какую реакцию вызывает у главного героя исполнение его предсказаний.

2. Скорбь Печорина

а) *Оплакивание развязки*

Каждый раз, когда поведение Печорина приводит определенную ситуацию к закономерной развязке, он чувствует глубочайшую печаль. Например, в «Бэле» даже Максим Максимыч, который осуждал поведение главного героя, в конце с сочувствием замечает: «Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка» [с. 237]. Видно, что герой и сам понимал груз ответственности за то, что принес невинной девушке несчастье и смерть.

Страдания Печорина наиболее ярко запечатлены в его «Журнале». Вот описание сцены, последовавшей сразу за дуэлью с Грушницким: «Спускаясь по тропинке вниз, я заметил между расселинами скал окровавленный труп Грушницкого. Я невольно закрыл глаза». Свое психологическое состояние герой характеризует следующим образом: «У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели» [с. 331].

Сам Печорин так описывает сцену, когда его покинул единственный человек, понимавший его до конца, — Вера, наиболее глубоко любившая его женщина:

Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет ничего, что выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете, дороже жизни, чести, счастья. Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... <...> ...Я упал на мокрую траву и, как ребенок, заплакал [с. 333–334].

Здесь возникает вопрос: если, как мы уже показали, главный герой предвидел развитие событий, почему же он так страдает?

Мы не можем с уверенностью ответить и на вопрос, предполагал ли Печорин заранее, что он принесет несчастье Бэле. Дело в том, что в повести «Бэла» рассказ ведется от лица Максима Максимыча, а не самого главного героя. Однако дуэль с Грушницким и расставание с Верой — совсем другое дело. У нас есть собственноручное свидетельство Печорина о том, что в случаях с Грушницким и Верой он предугадывал развитие событий: «...я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать» — о Грушницком; «Я знаю, мы скоро разлучимся опять...» — о Вере. Дальнейшее развитие событий подтвердили его предчувствия. Но исполнение этих предсказаний вызывает у главного героя горестные чувства, он даже плачет, «как ребенок».

У читателя возникает чувство несоответствия между четким предвидением развязки и тем трагизмом, с которым Печорин воспринимает осуществление этой развязки. В чем причина этого явления? На наш взгляд, она заключается в проявляющихся тут двух прямо противоположных ипостасях героя. Со все просчитывавшего, всеми манипулирующего, чуть ли не всемогущего Печорина срывают маску, и он превращается в слабое, отчаявшееся создание.

В принципе, ничто не мешает главному герою приложить усилия для избежания предполагаемой развязки. Но, по крайней мере как свидетельствует «Журнал», он и пальцем не шевелит для того, чтобы изменить предчувствуемый трагический финал. Несмотря на то, что Печорин осознает гибельность избранного курса, его воля не позволяет ему свернуть с пути достижения поставленной цели.

б) Оплакивание «своей роли»

Герой часто жалуется на ту роль, которую ему приходится играть в результате собственных действий. Вот его размышления, навеянные противостоянием с Грушницким касательно Мери:

Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды? С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние [с. 301].

А накануне дуэли с Грушницким Печорин размышляет о той роли, которую ему суждено было играть в жизни:

...сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудье казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... [с. 321].

Но кто сказал, что «разрушитель чужих надежд» и «топор судьбы» — это роли, предписанные ему роком? Как видно из всего вышесказанного, главный герой сам, в результате своих сознательных и целенаправленных действий, берет на себя эти малоприятные обязанности.

Сюжет романа также не всегда заставляет Печорина служить «топором». Например, поцеловав Мери и отвечая молчанием на ее вопросы о причине этого

поступка, герой удовлетворенно отмечает: «...она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение» [с. 310–311].

Приведенный эпизод не позволяет усомниться в том, что тут главный герой по собственной воле играет роль вампира. Подобное наблюдение справедливо для всех эпизодов его жизни. Печорин сам выбирает роль «топора», обрушивающегося «на голову обреченных жертв». В конце повести он скорбит о том, что судьба предопределила ему эту роль. Однако вдумчивый читатель понимает, что герой сам активно выбирает ее. Но какие же мотивы побуждают его к такому выбору?

В. Гольштейн утверждает, что всему виной завладевший обществом марлинизм. Грушницкий, как уже было отмечено, с его притворным романтизмом являлся воплощением этой тенденции, а Мери олицетворяет подыгрывающий марлинистам свет. Убийство Печориным Грушницкого на дуэли — это протест Лермонтова против всеобщего притворства и наказание экзальтированности [5, с. 153]. Мы признаем право подобного мнения на существование, но считаем, что оно слишком облагораживает главного героя романа.

Сам Печорин объясняет свою мотивацию в выборе роли «топора судьбы» «приманками страстей». В ночь перед дуэлью он размышляет о своем прошлом:

...зачем я жил? для какой цели я родился?... А верно она существовала, и верно было мне назначенье высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! <...> Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил; я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться [с. 321].

Из приведенной цитаты видно, что главный герой прав в определении своих мотивов. Сам Лермонтов иронизировал над марлинизмом и притворными романтиками, он хотел очистить общество от этих явлений. Писатель смог объективно рассмотреть свои отношения с окружающими и использовать их для написания романа. Однако в отличие от автора, его герой хотел лишь во что бы то ни стало выиграть у своих мнимых или настоящих соперников. Печорин и сам понимает мелочность этого желания, потому и вынужден признать, что уступает «пустым страстям». Это признание можно рассматривать как раскаяние героя в желании «подчинять <своей> воле все, что... окружает» [с. 294].

3. «Свобода» Печорина

Далее рассмотрим понимание «воли» Печориным. В этом вопросе особого внимания заслуживает тот факт, что герой рассуждает о воле с видимым сожалением. В качестве подтверждения сформулированной мысли обратимся к песне девушки, ожидающей Янко, в «Тамани»:

Как по вольной волюшке —
По зелену морю,
Ходят все кораблики
Белопарусники.
Промеж тех корабликов
Моя лодочка,
Лодочка неснащенная,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымут крылушки.
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в темну ночь
Буйная головушка».

[с. 255]

В этой песне управляемая Янко лодочка — символ свободы и бесстрашного ею наслаждения. Именно к такой свободе и стремится Печорин. В конце «Тамани» явно различима зависть в его глазах, провожающих лодочку контрабандиста, свидетельствует о стремлении героя к столь желанной для него свободе.

Эта зависть пронизывает и сравнение, использованное в конце повести «Княжна Мери»:

И теперь здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслью прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное... Нет! я бы не ужился с этой долей! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани... [с. 338].

Казалось бы, белый парус в этом абзаце очень похож на лодочку из «Тамани». Но между взглядом девушки и взглядом главного героя есть огромная разница. Девушка непоколебимо верит в то, что та единственная, самая главная лодочка пристанет к берегу, она высматривает именно ее. Печорин же ждет хоть какой-нибудь парусник, символизирующий любое новое событие, на которое надеется герой. Более того, хотя физически девушка находится на берегу, ее «Я»

спроецировано на лодочку, и это «Я» наслаждается свободой. Печорин же, с другой стороны, целиком и полностью находится на берегу, и лишь всей душой стремится к свободе. Он даже не знает, появится ли олицетворение этой свободы — парусник — или нет. Пожалуй, в этом сравнении заключается не столько жажда свободы, сколько постоянное любопытство, что же таит в себе грядущее. Иными словами, герой не удовлетворен своей реальной жизнью и постоянно мечтает о чем-то, что возбудило бы в нем сильные переживания.

Такое понимание свободы Печориным проявляется и в его размышлениях о невозможности брака с Мери. Герой утверждает, что ради сохранения своей свободы он не может на ней жениться. Но ответ на вопрос, чего же он ждет от этой свободы, — «ничего»:

...надо мною слово *жениться* (курсив автора. — А. Я.) имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться — прости любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой... но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею? что мне в ней?.. куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... [с. 313–314].

Это желание Печорина защищать свою свободу исключительно из-за любопытства по поводу того, что принесет будущее, выражается и в его размышлениях о прошлом ночью накануне дуэли. Тут он напрямую связывает смысл жизни и любопытство. После вопроса «стоит ли труда жить?», герой продолжает: «а все живешь — из любопытства; ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!» [с. 322]. Пока герой свободен, он может надеяться на то, что в будущем он сможет отыскать что-то новое, отличное от того, что есть в настоящем. Таким образом, Печорин осознает, что истинная жизнь — это не то, чем он живет сейчас. Его страсть к свободе отражает его недовольство собой нынешним, осознание им бесплодности и пустоты собственной жизни. Герой сознает, что он не угадал свое «назначение высокое», увлекшись «приманками страстей пустых и неблагодарных».

4. Перекалывание ответственности и «дурные страсти» Печорина

а) Перекалывание ответственности

Обратимся к двум признаниям Печорина о своем прошлом, адресованным разным людям — Максиму Максимычу и Мери. Между этими признаниями заметно некоторое сходство. Оно заключается в следующих двух тезисах: 1) Печорин возлагает ответственность за себя нынешнего на общество, 2) сразу за этими искренне звучащими признаниями следует высказывание, заставляющее усомниться в правдивости сказанного. Для полноценного раскрытия сущности понятия «воля» для героя этот нюанс имеет немалое значение.

В «Бэле» Печорин так говорит Максиму Максимычу: «...у меня несчастный характер; воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю...»

[с. 231]. Герой признается, что ему все прискучило: и покупаемые за деньги удовольствия, и высшее общество, и любовь светских красавиц, и науки, и служба на Кавказе, и любовь дикарки Бэлы. И заключает следующим образом:

...но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня... [с. 231].

Из этих слов видно, что герой обвиняет окружающее общество в том, что душа его испорчена и все стало вызывать недовольство. Однако последовавшая за этим реплика автора-повествователя — странствующего офицера — заставляет усомниться в искренности этой исповеди:

...много есть людей, говорящих то же самое... есть, вероятно, и такие, которые говорят правду... Впрочем, разочарование, как и все моды, начав с высших слоев общества, спустилось к низшим, которые его донашивают, и... нынче те, которые больше всех и в самом деле скучают, стараются скрыть это несчастье как порок [с. 232].

Указание на то, что тоска — выходящее из моды явление, дает повод усомниться в правдивости признания Печорина. Странствующий офицер поставил эту исповедь в контекст общественных течений, тем самым лишив ее оригинальности и сделав лишь одним из выражений разочарования.

В другой раз главный герой рассуждает о своем прошлом в «Княжне Мери». В его «эпитафии» умершей части своей души, прочитанной Мери, мы насчитали восемь примеров перекладывания ответственности за свои недостатки на общество²:

(1) Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых там не было; но их предполагали — и они родились. (2) Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. (3) Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли; я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети были веселы и болтливы; (4) я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. (5) Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; (6) лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца; они там и умерли. (7) Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; (8) узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние... [с. 297].

Однако обратим внимание на тот эффект, который произвели его слова на княжну. У нее на глаза навернулись слезы: «ей было жаль меня!». Несмотря на то, что частичка искренности в этом признании присутствует, его основная цель — взволновать Мери. Тем, что герой подчеркивает стремление достичь этой

---

² В приведенной ниже цитате нумерация проставлена автором статьи.

цели, он вызывает у читателя недоверие к правдивости своей исповеди. Печорин использует романтизм юной девушки и играет популярную в то время в обществе роль разочарованного в жизни молодого человека, пытаясь привлечь ее внимание. Внутренняя реплика героя в ответ на реакцию княжны ставит под сомнение все сказанное до того еще больше, чем замечание странствующего офицера.

Итак, в обоих исповедях Печорина общим является перекладывание ответственности за собственные недостатки на общество. Он утверждает, что свет сделал его таким, каков он есть. Особый интерес вызывает тот факт, что автор в обоих случаях оставляет читателю возможность усомниться в достоверности этих обвинений. В первом случае для этого использован странствующий офицер, во втором — сам герой романа. Это делает крайне сложным для читателя поверить в «слабенького Печорина — жертву обстоятельств».

Кстати, в романе есть эпизод, где главный герой поставлен лицом к лицу с проблемой принятия ответственности. После дуэли Вернер пришел сообщить, что Печорина, скорее всего, переведут на новое место службы. При этом доктор был крайне холоден и даже не подал руки при приветствии.

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, — а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тяжесть ответственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!.. [с. 335].

Наряду с осуждением Вернера в приведенном размышлении угадывается гордость собой за принятие груза ответственности. Другими словами, главный герой по крайней мере чувствует необходимость ответа за свои поступки. Он полностью осознает ту роль, которую играет в процессе удовлетворения своих страстей. Но по зрелом размышлении приходится признать, что даже в этом эпизоде Печорин перекладывает ответственность за результаты своих действий на других. Он воспринимает доктора как своего пособника в убийстве Грушницкого и впоследствии чувствует к нему неприязнь за то, что доктор повел себя холодно. Объективный читатель не может согласиться с тем, что Вернер и Печорин несут одинаковую ответственность за смерть Грушницкого.

б) *Мнение Веры*

Посмотрим, что думает Вера о характере своего возлюбленного, который, кстати, признает правильность ее мнения:

За что она меня так любит, право, не знаю! — Тем более, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло так привлекательно?... [с. 292].

Здесь необходимо понять, что же это за «дурные страсти» и «зло», которые так хорошо поняла эта женщина.

В романе почти нет сцен, где Вера сама высказывала бы свои мысли, поэтому письмо, которое она отправляет Печорину накануне отъезда, приобретает огромное значение. Тут женщина касается тех «дурных страстей», в которых главный герой не признается ни Максиму Максимычу, ни Мери. Проведем сравнение ее мыслей и того, что Печорин говорил о своем прошлом.

Первое, что бросается в глаза в тексте письма, — особые качества главного героя, которыми обделены все прочие люди:

...в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно, ничей взор не обещает столько блаженства, никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами, — и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном [с. 332–333].

Очевидно, в понимании Веры, Печорин — не тот слабый человек, который заявлял Максиму Максимычу, что таким его создало общество. Мы уже говорили о том, что автор заставляет читателя усомниться в достоверности двух исповедей главного героя благодаря следующим сразу за ними замечаниям. В случае с письмом Веры, вопросы отпадают сами собой. Здесь перед нами предстает не помыкаемый обществом человек, а сильная личность.

Еще одна особенность, на которую указывает любящая женщина, — «дурные страсти», которые на поверку именно таковыми и являются. Речь идет о том, что он может любить женщину только как свою собственность, ради развлечения в скучной и однообразной жизни:

...ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна [с. 332].

Это замечание Веры интересно тем, что оно касается страстей Печорина, о которых тот никак не хотел сказать ни Максиму Максимычу, ни Мери. Благодаря проницательности любящей женщины становится более понятным, что в тех разговорах главный герой хотел привлечь внимание собеседников, объяснить свой характер и поведение, используя модные в то время стереотипы. Конечно, крупицы правды в признаниях Максиму Максимычу и Мери присутствовали. Но Печорин не смог признаться окружающим в тех своих качествах, которые больше всего в себе не любил.

Между прочим, есть все-таки в романе сцена, в которой главный герой говорит другому человеку об этих своих качествах. Имеется в виду его последний разговор с Мери, произошедший после всех событий:

Княжна... вы знаете, что я над вами смеялся!.. Вы должны презирать меня. <...> Следственно, вы меня любить не можете... [с. 337].

Не возникает сомнений в том, что здесь Печорин произносит слова, которые выражают то, в чем он не хотел признаваться посторонним. А именно, что все его поступки были продиктованы не настоящей любовью, а «дурными страстями», желанием потешиться за ее счет. Этот мотив герой до конца скрывал от окружающих. Возможно, с точки зрения Печорина, это был тактический ход для достижения своей цели — избавиться от перспектив женитьбы на Мери. В то же время эти слова показывают, что герой осознает всю постыдность своих действий. Он не мог не понимать, что несет ответственность за все поступки, совершенные им в отношении девушки, — ведь они проистекали из «сценария», выстроенного им самим!

В данной статье мы показали, что «дурные страсти» Печорина не ограничиваются отношениями с женщинами, а распространяются на всех, с кем сводила его судьба. Указанная Верой особенность Печорина — любовь к женщине как к своей собственности — это лишь одно из проявлений «жажды все подчинить своей воле». Тот же смысл имеет и выражение «приманки страстей пустых и неблагодарных». Можно сказать, что главный герой всех использует как свою собственность, чтобы разнообразить монотонность жизни и избавиться от скуки. Несмотря на то, что в «Журнале» он не раз называет вещи своими именами, Печорин не признается в этом в разговорах с другими людьми. Даже во время долгой исповеди Максиму Максимычу он ни разу не упомянул о «дурных страстях». Упорное нежелание говорить об этом лишний раз свидетельствует о том, что главный герой понимал всю глубину презренности данной черты своего характера.

Литература

1. *Виноградов И. И.* Философский роман Лермонтова // Новый мир. 1964. № 10. С. 210–231.
2. *Гурвич И. А.* Загадочен ли Печорин? // М. Ю. Лермонтов : Pro et contra. СПб., 2002.
3. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. Т. 6. М. ; Л., 1957. С. 222–347.
4. *Маркович В. М.* Лермонтов и его интерпретаторы // М. Ю. Лермонтов : Pro et contra. СПб., 2002. С. 8–10.
5. *Golstein V.* Lermontov versus Marlinsky; or, Why Grushnitsky Had to Be Thrown off the Cliff // Lermontov's Narratives of Heroism. Evanston, Illinois. 1998. P. 133–153.